

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ...

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

3. Фрейд пытался справиться с проблемой смерти, введя термины "влечения к жизни" и "влечения к смерти". По З. Фрейду, влечение к смерти - это присущие индивиду, как правило, бессознательные тенденции к саморазрушению и возвращению в неорганическое состояние. В полном соответствии с гегелевской диалектикой влечения к жизни и влечения к смерти противоположны и едины в одно и то же время. Ища подтверждения своих идей в работах биологов, З. Фрейд говорит об удивительном сходстве предложенного немецким генетиком А. Вейсманом деления на смертную сому (тело в узком смысле) и бессмертную (при определенных условиях) зародышевую плазму с делением на влечения к смерти и к жизни.

Останавливаясь вкратце на резко дуалистическом понимании природы влечений, австрийский психиатр напоминает о том, что, по теории Э. Геринга, в живой субстанции происходят беспрерывно два рода процессов противоположного направления, одни - созидающего, ассимиляторного, другие - разрушающего, диссимиляторного типа. "Должны ли мы попытаться узнать в этих обоих направлениях жизненных процессов работу наших обоих влечений - влечения к жизни и влечения к смерти? - задается вопросом З. Фрейд. - Но мы не можем скрыть и того, что мы нечаянно попали в гавань философии А. Шопенгауэра, для которого смерть есть "собственный результат" и, следовательно, цель жизни...".

Э. Кюблер-Росс пишет: "Если мы обернемся назад и обратимся к культурам прошлого, то увидим, что смерть во все века воспринималась человеком как несчастье, и, очевидно, так будет всегда. Для психиатра это совершенно очевидно и, вероятно, может быть лучше объяснено в терминах нашего понимания бессознательной части "я"; для несознающего разума смерть по отношению к себе самому совершенно невысказима. Для нашего бессознательного невысказимо вообразить реальный конец собственной жизни здесь, на земле, и, если эта наша жизнь должна окончиться, конец всегда связывается с вмешательством злобных сил извне. Говоря просто, в нашем несознающем разуме мы можем оказаться только убитыми; невысказима смерть от естественных причин или от старости. Поэтому смерть как таковая ассоциируется с пугающим действием, злым деянием, с чем-то, что само вопиет об отмщении и каре...".

Второе, в чем мы должны разобраться - это то, что наш несознающий разум не делает различий между желанием и деянием. Любой из нас может пересказать лишенный логики сон, в котором соседствуют противоречащие друг другу события и утверждения - вполне приемлемые в снах, но невысказимые при бодрствовании. Подобно тому как мы в своем несознающем разуме не можем отличить желание во гневе убить кого-нибудь от акта убийства, маленький ребенок не в состоянии различить фантазию и реальность. Ребенок, который, рассердившись, пожелал, чтобы мать умерла, из-за того что она не выполнила его просьбу, будет в высшей степени травмирован ее реальной смертью. Он будет всегда повторять себе, реже другим: это я сделал, я виноват, я был плохим, поэтому мама покинула меня...

Когда мы вырастаем и начинаем понимать, что не так всемогущи, чтобы сделать невозможное возможным, страх, что мы виноваты в смерти дорогого человека, уменьшается, а вместе с ним и чувство вины. Страх угасает, но в какой-то момент внезапно усиливается. Он ясно виден на лицах людей, идущих по больничным коридорам или у тех, кто понес тяжелую утрату. Супружеская чета может годами ссориться, но после смерти жены муж начнет сокрушаться, заплачет в раскаянии и страхе, станет еще больше бояться собственной смерти, веря в закон "око за око, зуб за зуб": "Я виноват в ее смерти, я за это погибну жалкой смертью".

Возможно, зная это, легче понять соблюдавшиеся столетиями многие обычаи и ритуалы, целью которых было смягчить гнев богов или общества, уменьшить ожидаемую кару. Я имею в виду траурные одежды, вуаль, женский плач старинных времен - все это способы вызвать жалость к оплакивающему утрату, способы выражения печали, горя, раскаяния. Человек в горе бьет себя в грудь, рвет на себе волосы, отказывается есть, тем самым пытаясь наказать себя и избежать предстоящего вечного наказания или ослабить кару, которой он ждет за смерть любимого человека.

Чувства горя, раскаяния, вины не так далеки от гнева или ярости. Скорбь всегда несет в себе гнев. Поскольку никто из нас не хочет обратить гнев на покойного, эти эмоции часто

маскируются или подавляются и служат проявлением скорби или выражаются иначе. Следует помнить, что наша задача - не расценивать подобные чувства как плохие или постыдные, а постараться понять их подлинное происхождение как нечто в высшей степени присущее человеку. Для иллюстрации я снова приведу в пример ребенка - ребенка в каждом из нас. Пятилетний мальчик, потерявший мать, и обвиняет себя в ее исчезновении, и сердится на нее за то, что она покинула его и глуха к его просьбам. Ребенок любит умершего и жаждет его появления, но столь же сильно ненавидит его за свое одиночество".

Наряду с точными замечаниями в рассуждениях Э. Кюблер-Росс много спорного. Так, когда умерла моя бабушка (она воспитывала меня, заменяя мать), у меня не было ни малейшего чувства ненависти к ней. Чувство вины было, но вины не за смерть бабушки (она умерла от рака), а за то, что при ее жизни я недодал ей своей любви. Вот от этого я страдал и страдаю до сих пор. Относительно ритуалов и обильных слез по покойнику - тоже можно поспорить. Ибо слезы, как сейчас известно, содержат анестезирующие вещества, действие которых сходно с действием морфина. Так что рыдания родственников - это, скорее, не попытка возбудить к себе жалость и защититься этой жалостью от остракизма богов или общества, а физиологическая реакция организма, смягчающего душевную боль. (Замечательно при этом то, что организм одинаково реагирует на физическую и душевную боль - слезами.)

По мнению Э. Фромма, избавиться от страха перед смертью - все равно что избавиться от собственного разума. В книге "Человек для себя" он пишет: "Сознание, разум и воображение нарушили "гармонию" животного существования. Их появление превратило человека в аномалию, в каприз универсума. Человек - часть природы, он подчинен физическим законам и не способен изменить их; и все же он выходит за пределы природы... Брошенный в этот мир в определенное место и время, он таким же случайным образом изгоняется из него. Осознавая себя, он понимает свою беспомощность и ограниченность собственного существования. Он предвидит конец - смерть. Он никогда не освободится от дихотомии своего существования: он не может избавиться от разума, даже если бы захотел; он не может избавиться от тела, пока жив, и тело заставляет его желать жизни". И бояться смерти, добавим мы.

Правда, некоторые исследователи считают, что страх смерти не врожденное, а приобретаемое в ходе жизни свойство психики. Л. Уотсон, например, просматривая литературу по проблемам психологической реакции человека на смерть, был поражен тем фактом, что "страх смерти возникает только у взрослых людей и только у тех, кто имеет время для размышлений на эту тему".

В психиатрии, однако, отмечены случаи, когда дети сходили с ума, пытаясь понять, почему молодые иногда умирают раньше пожилых. Боязнь смерти, безусловно, наличествует у детей с достаточно раннего возраста, хотя они могут и не воспринимать смерть адекватно - как окончательное прекращение своего физического существования. Смерть скорее сопряжена в их сознании с понятием физической боли, страдания и т.д.

Если признать за осознанием смерти характер "обучения", то надо отбросить всю теорию эволюции. Для живых существ чувство опасности есть напоминание о возможной гибели. Страх позволяет им выжить. А если бы знание о смерти не было бы намертво вбито в гены, то все живое на земле погребло бы, перестав страшиться любых опасностей. Л. Уотсон и сам вынужден отчасти признать это. Правда, сначала он говорит о том, что не существует фактов, "подтверждающих врожденность страха смерти либо его развития в качестве обязательной составляющей поведения, связанного с умиранием", но затем приводит пример того, как молодые шимпанзе, достигшие определенного возраста, без всякого указания извне или специальной тренировки начинают избегать контакта со змееподобными объектами. "У них есть врожденное свойство, - пишет Уотсон, - страшиться символов, способных ассоциироваться с опасностью, однако я не знаю ни одного животного с врожденным страхом самой смерти".

Естественно! Ведь животному наплевать на смерть как на таковую. Смерть его волнует только в случае, если становится препятствием к осуществлению заложенных в нем биологических функций. Но это и есть чувство опасности. Таким образом, мы можем с уверенностью констатировать, что чувство опасности в подсознании животного и человека адекватно страху смерти. Но у человека это чувство значительно осложнено приобретенными в процессе жизни культурными навыками, опытом абстрактного мышления, развитием интуиции.

Человек способен воспринимать не только прямую, непосредственную угрозу жизни, но и косвенную, отдаленную, выраженную в любой воспринимаемой им коммуникационной системе. Слова "здесь большая радиация" или "у меня в портфеле бомба" могут вызвать панический ужас, хотя сенсорная система человека при этом об опасности не сигнализирует. Способность к накоплению опыта восприятия смерти на уровне абстрактного мышления Л. Уотсон и воспринял как свидетельство врожденного отсутствия страха смерти. (Эта способность, возможно, дана человеку Творцом, а, может, выработалась в ходе эволюции. Равно как и способность к внушению, благодаря которой человек может в определенных ситуациях преодолевать страх перед смертью.)

Приводя данные исследования умирающих больных, сделанного Э. Кюблер-Росс, Л. Уотсон говорит о пяти стадиях изменения отношения человека к собственной смерти. "Первая реакция на смертельное заболевание обычно такова: "Нет, только не я, это неправда". Такое первоначальное отрицание смерти очень похоже на первые отчаянные попытки альпиниста остановить свое падение. Как только больной осознает реальность происходящего, его отрицание сменяется гневом или фрустрацией. "Почему я, ведь мне еще так много нужно сделать?" Иногда вместо этой стадии следует стадия попыток совершить сделку с собой и с другими и выиграть дополнительное время на жизнь. Когда же смысл заболевания полностью осознается, наступает период страха или депрессии. Эта стадия не имеет аналогов среди переживаний, связанных со внезапной смертью, и, видимо, возникает лишь в тех ситуациях, когда у столкнувшегося со смертью человека есть время для осмысления происходящего...

Конечные стадии цикла, предвещающие наступление клинической смерти, одинаковы как при мгновенной, так и при медленной смерти. Если умирающие больные имеют достаточно времени для того, чтобы справиться со своими страхами и примириться с неизбежностью смерти, или получают соответствующую помощь от окружающих, то они нередко начинают испытывать состояние покоя и умиротворенности".

Заметим, однако, что это состояние - результат психотерапии, она скорее внушенное, нежели естественное. Ведь до внушения, до вмешательства окружающих или невольного аутотренинга разум и тело больного отказывались принимать грядущую смерть как естественную.

"Таким образом, - пишет Л. Уотсон, - процесс умирания, по-видимому, является самостоятельной фазой развития человека с собственной последовательностью событий, определенными, поддающимися описанию переживаниями и способами поведения. Доказательством того, что эти фазы присутствуют не только у людей, умирающих в результате несчастных случаев или заболеваний, является искусственное вызывание тех же стадий умирания у физически абсолютно здоровых людей. Исследование восемнадцати убийц, ожидающих смертной казни в тюрьме Синг-Синг, показало, что отрицание смерти (при помощи которого сводились на нет многие проблемы) сменялось гневом или страхом и, наконец (у тех, кто имел достаточно времени), спокойной медитативной отрешенностью".

И опять рассуждения Л. Уотсона не совсем корректны. Отмечено немало случаев, когда люди, просидевшие в ожидании исполнения приговора многие годы, шли на казнь как разъяренные львы, а не как покорные овечки.

"Возможно, это покажется натяжкой, однако мы считаем, что в ходе истории наше отношение к смерти повторяло последовательность стадий умирания. В нашей истории было время, когда люди отказывались верить в то, что смерть представляет собой естественное событие, предпочитая возлагать ответственность за нее на какие-либо одушевленные или неодушевленные силы. Это отчетливо проявляется в погребальных обрядах цивилизаций, населявших Дельту (Л. Уотсон имеет в виду шумеров, ассирийцев, египтян. - А.Л.). Затем наступает период принятия смерти как реального, завершающего жизнь события, характерного для иудейско-эллинских цивилизаций. Далее следует стадия отрицания смерти, попытки преодолеть ее реальность. И наконец, как и при падении с высоты, сегодня наша цивилизация настолько приблизилась к краю пропасти, что трансценденция является ее единственной защитой от гибели".

Л. Уотсон призывает избавляться от страха смерти с помощью медитации. Его призыв полностью согласуется с рекомендациями индуизма типа адвайты-веданты. Один из лидеров

этого направления Р. Махарши (1879-1951) так описывал свой опыт преодоления страха перед смертью: "Я сидел один в комнате на первом этаже в доме моего дяди. Я редко болел, и в этот день я чувствовал себя нормально, но неожиданно мною овладел страх смерти. (В это время Р. Махарши было 16 лет. - А.Л.) Мое здоровье не грозило мне ничем, и я не пробовал понять причину этого страха. Я почувствовал, что я умру, и начал думать, что мне делать. Я не думал о том, что можно обратиться к доктору, к старшим или к друзьям. Я чувствовал, что должен сам справиться с этой ситуацией и сам найти ответ, сам найти решение этой ситуации, не откладывая. Страх смерти обратил мой ум в глубину меня самого.

И я сказал, обращаясь к самому себе практически без слов: "Вот пришла смерть. Что это значит? Что значит умереть? Умирает тело. Но является ли мое тело мною? Оно безмолвно и инертно. Я же чувствую всю силу моей личности. А также голод "Я" во мне самом, которое отлично от него. Таким образом, я являюсь духом, который больше, чем тело. Тело умирает, но дух, который выше тела, не может быть тронут смертью. Это значит, что "Я" есть бессмертный дух". Это было не просто мыслью, это было открытием, которое хлынуло в меня, как живая истина, и которое я воспринял непосредственно, без размышления. "Я" было чем-то реальным, единственной реальной вещью в этом состоянии. И вся сознательная деятельность, связанная с моим телом, была связана с этим "Я". С этого момента "Я" привлекало к себе мое внимание и стало объектом моих непрерывных размышлений, моего постоянного удивления. Страх смерти исчез раз и навсегда. "Я" поглотило все мое внимание, вся моя жизнь была теперь посвящена этому "Я".

Тем, кому лень заниматься медитацией Р. Махарши, французский врач и писатель А. Рюэллан рекомендует более простой рецепт - бегать трусцой по кладбищу для превентивной адаптации. По его мнению, люди в наше время не только боятся смерти, но и не хотят о ней думать. Более того, А. Рюэллан твердо убежден, что многие из них давно уже мертвы. "Им следовало бы распорядиться, чтобы их забальзамировали и в таком виде оставили сидеть перед экраном телевизора, - так что, когда они и впрямь испустят последний вздох, этого никто не заметит". Продолжая в духе А. Рюэллана, можно сказать, что этих людей способна разбудить только смерть. Или, по крайней мере, состояние смертельной опасности.

В психологии существует понятие "пограничной ситуации" - ситуации, в которой резко обостряется самоосознание личности. К. Ясперс называет пограничными моменты непосредственной угрозы жизни, которые активизируют личностное мышление, освобождая его от шелухи коллективного опыта, навязанных моделей поведения. Как раз с этим связан другой интересный феномен - резкое изменение жизненного кредо людей, побывавших в состоянии клинической смерти и имевших опыт "запредельного существования".

Вот что рассказывает одна молодая женщина, попавшая в тяжелейшую автомобильную аварию (ее монолог приводят в своей книге американские исследователи Станислав и Кристина Гроф): "За те несколько секунд, пока мой автомобиль был в движении, я испытала ощущения, которые, казалось, охватили века. Необычайный ужас и всепоглощающий страх за свою жизнь быстро сменились ясным сознанием того, что я умру. Как это ни странно, одновременно пришло такое глубокое ощущение покоя и мира, какого я никогда раньше не испытывала. Казалось, я перемещалась с периферии своего существа - тела, заключавшего меня - в самый центр моего "Я", место невозмутимого спокойствия и отдохновения... Время как бы исчезло; я наблюдала свою собственную жизнь: она проходила передо мной, как фильм, очень быстро, но поразительно подробно. Достигнув границы смерти, я как бы оказалась перед прозрачным занавесом. Движущая сила опыта влекла меня через занавес - я была все еще абсолютно спокойна, - и вдруг я осознала, что это не конец, а, скорее, переход. Описать мои дальнейшие ощущения я могу только следующим образом: все части моего существа, чем бы я в тот момент ни была, ощущали континуум за тем, что я раньше считала смертью. Я чувствовала, что сила, направлявшая меня к смерти, а потом за ее пределы, будет вечно вести меня в бесконечную даль.

Как раз в этот момент мой автомобиль врезался в грузовик. Когда он остановился, я огляделась вокруг и поняла, что каким-то чудом осталась жива. Потом произошло нечто поразительное: сидя в груде разбитого металла, я почувствовала, что границы моей личности исчезают, и я начинаю сливаться со всем окружающим - с полицейскими, обломками машины,

рабочими с ломами, пытающимися меня освободить, машиной "скорой помощи", цветами на соседней клумбе, телерепортерами. Каким-то образом я видела и чувствовала свои раны, но казалось, что они не имеют ко мне никакого отношения - они были лишь частью быстро расширявшейся системы, включавшей в себя гораздо больше, чем мое тело. Солнечный свет был необыкновенно ярким и золотым, казалось, что и весь мир сияет прекрасным светом. Я ощущала счастье и бьющую через край радость, несмотря на драматизм обстановки, и это состояние сохранялось в течение нескольких дней в больнице. Это происшествие и связанный с ним опыт полностью изменили мое мировоззрение и понятие о существовании. Раньше я не особенно интересовалась вопросами духа и считала, что жизнь заключена между рождением и смертью. Мысль о смерти всегда меня пугала. Я верила, что "мы проходим по сцене жизни лишь однажды", а потом - ничего. Попутно меня мучил страх, что я не успею осуществить в жизни все, чего хочу. Теперь я совершенно по-другому представляю мир и мое место в нем. Мое самоощущение превосходит представление о физическом теле, ограниченном рамками времени и пространства. Я знаю, что я часть огромного безграничного творения, которое можно назвать божественным".

Француз Ж. Шураки, который пережил опыт "пограничного существования" (он тоже попал в автомобильную аварию), говорит: "Я бы, конечно, не хотел когда-нибудь снова перенести такую физическую боль. Но сейчас у меня уже нет страха перед смертью. Для меня смерть - это тоже жизнь, только в другом месте... Когда-то я гонялся за временем, так стремился не отстать от жизни. Сама жизнь казалась мне бесконечной гонкой. (Когда случилась авария, Шураки вел автомобиль со скоростью 140 км/час. - А.Л.) Теперь я далек от этого. Для меня куда важнее внутренняя ценность вещей. А в жизнь я влюбился еще сильнее".

Американский врач Р. Моуди указывает, что пережитый опыт умирания производит, как правило, умиротворяющее воздействие. "Многие говорили мне, что после того, что произошло, они чувствуют, что их жизнь стала глубже и содержательнее, так как благодаря этому опыту они стали гораздо больше интересоваться фундаментальными философскими проблемами".

"Я рос в маленьком городке. Люди там не отличались широким кругозором, - говорит один из обследованных Р. Моуди "возвращенцев с того света". - И я был таким же, как все. Но после случившегося со мной мне захотелось узнать больше... Я как будто повзрослел за одну ночь... Передо мной открылся новый мир, о существовании которого я даже не подозревал. Я думал: "Как много в мире такого, о чем я и не догадывался. Оказывается, есть вещи поважнее, чем футбол, танцы и прочее. Я чаще стал думать о том, где граница для человека и для его сознания?"

Итак, большинство из побывавших "по ту сторону бытия": а) перестают бояться смерти; б) производят переоценку основных представлений; в) изменяют образ жизни. Переживания, испытанные во время клинической смерти, с точки зрения экстремальной психологии могут относиться к так называемым компенсаторным явлениям. Среди других аспектов восприятия смерти следует отметить и такой: свидетели смертельных происшествий зачастую бывают потрясены гораздо больше, чем те, кто подвергся смертельной опасности (если жертва не получила серьезных физических повреждений).

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ООН

Отдел статистики Организации объединенных наций предлагает такое определение: "Смерть - это полное прекращение всех жизненных функций организма". Нужно, однако, отметить, что эту формулу ООН почти дословно позаимствовала из Британской энциклопедии (издание 1986 г.), где смерть определяется как "полное прекращение жизненных процессов".

...С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭСТЕТИКИ

Об удивительном эстетическом прочувствовании смерти говорят многие древние письменные источники, и среди них "Беседа разочарованного со своим духом" - египетский папирус, написанный около четырех тысяч лет назад. Это поразительная исповедь уставшего и отчаявшегося человека, пытающегося поэтическими образами убедить себя в благости смерти-утешительницы:

"Смерть стоит передо мной сегодня подобно выздоровлению, подобно выходу после

болезни.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно аромату мирры, подобно сидению под навесом в ветреный день.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно аромату лотоса, подобно сидению на берегу опьянения.

Смерть стоит передо мной сегодня подобно удалению бури, подобно возвращению человека из похода к своему дому.

...Смерть стоит передо мной сегодня подобно тому, как желает человек увидеть свой дом после того, как он провел многие годы в заключении..."

Э. По когда-то заметил, что смерть молодой красивой женщины - лучшая тема для художественного произведения. Правда, он не был здесь первооткрывателем. Еще в средние века сокрушения о кончине прекрасного передавались прежде всего через образ погибшей женской красоты. Л. да Винчи писал с тоской: "О время, истребитель вещей, и старость завистливая, ты разрушаешь все вещи и все вещи пожираешь твердыми зубами годов малопомалу, медленной смертью. Елена, когда смотрелась в зеркало, видя досадные морщины своего лица, содеянные старостью, жалуется и думает наедине, зачем два раза была похищена". (Елена Прекрасная - дочь Зевса и Леды, из-за похищения которой началась Троянская война и чья красота стала нарицательной).

В средневековье сквозь флер христианства явно проглядывал грубый материализм, который, по словам Й. Хейзинги, не мог смириться с мыслью о кончине чего-то прекрасного без того, чтобы не усомниться в красоте самой по себе.

"Смерть Ивана Ильича", "Смерть в Венеции", "Смерть Тарелкина", "Смерть коммивояжера", "Девушка и Смерть", "Приглашение на казнь" или просто "Смерть" – это произведения серьезные, мирового масштаба.

Диалектика смерти в искусстве передается через категорию трагического. О том, что эстетическая эмоция включает в себя как радость, так и скорбь, ужас, говаривал еще Юм. Без гибели нет катарсиса, очищения, - этот закон античной трагедии, как пола плаща над ребенком, навис над всей средневековой и современной литературой Запада и Востока. Гением смертельной литературы можно назвать Шекспира. Его герои не просто умирают или убивают других, но превращают это действие в великую эмпирическую философию, внутренне как бы наслаждаясь переходом от "быть" к "не быть".

Живописцы и графики тоже не обделили смерть своим вниманием. В средние века ей посвящали чуть ли не каждое третье произведение изобразительного искусства. Осмысление смерти происходило одновременно в возвышенном (экзистенциально-эсхатологическом) и в бытовом ключе. А для многих художников Ренессанса смерть - это чуть ли не праздник, пиршество красок и плоти (пусть и умирающей). Даже распятого Христа умудрились писать весьма жизнелюбивыми красками. Бытовое же осмысление смерти (например, в миниатюрах из книг типа "Искусство умирать") хотя и отличалось фамильярным отношением к курносой, но все же не теряло духовного, экзистенциального напряжения.

Критический реализм XIX века перевел осмысление смерти в социальную плоскость. "Утро стрелецкой казни" Сурикова или "Казнь заговорщиков в России" и "Подавление индийского восстания" Верещагина - классический тому пример. Для живописцев-реалистов важно было не столько передать внутреннее состояние человека, сколько обличить несправедливое устройство мира. Средневековая эстетика не снижала образ смерти даже лубочно-бытовыми миниатюрами. А "высокий реализм" добился отчуждения человека от смерти, относясь к ней как к социальному акту и не более. Из генералов смерть была разжалована в унтер-офицеры и послана на Кавказ, в действующую армию.

Искусство XX века вернуло смерти ее эпопеты. Но сделала это скорее литература, чем живопись. Правда, русская литература еще в XIX веке сумела преодолеть детскую болезнь социального критиканства, выйдя на "проклятые" вопросы бытия. Здесь русские писатели (прежде всего Достоевский и Толстой) почти на век опередили Европу (и остальной мир). Что ни говори, но вся экзистенциальная литература нашего столетия - всего лишь зарево "Смерти Ивана Ильича" и "Братьев Карамазовых".

Искусство первым заговорило о смерти любого человека, даже самого ничтожного, как о гибели целого мира. Правда, мировая культура вторична в осмыслении самого феномена смерти - она либо плетется за буддизмом, приравнивающим смерть к жизни (ибо смерть - это новое рождение), либо за каким-нибудь новейшим учением типа экзистенциализма, для которого жизнь и смерть абсолютно равны, поскольку одинаково абсурдны.

Если же подняться на более высокий уровень, отрешась от прагматической функции эстетического наслаждения при восприятии художественного описания смерти, то придется перейти на философские категории, как это сделал Л. Н. Гумилев в диалоге с А. Панченко "Чтобы свеча не погасла". По его мнению, "самое существенное то, что на планете Земля происходит не только накопление солнечного света путем фотосинтеза, но и творческие его преобразования в формы, устремленные к иррациональным понятиям: Истина и Красота". Правда, Л. Н. Гумилев избегает при этом говорить об одной из главнейших проблем теории познания, суть которой можно сформулировать так: существует ли эстетика, красота, истина и т.д. вне человеческого сознания - или все это умирает вместе с нами? Умирают диалоги Платона, законы ньютоновской механики, белеющие одиноко паруса "в тумане моря голубом", умирают "гении чистой красоты", пронзительно канареечные подсолнухи Ван Гога...

<http://www.aquarun.ru/psih/smert/smert3p4.html>